

Оглавление

Предисловие к седьмому изданию	9
Введение	13
Глава 1. Экономическая революция	19
Глава 2. Чудесный мир Адама Смита	51
Глава 3. Дурные предчувствия пастора Мальтуса и Давида Рикардо	93
Глава 4. Мечты утопических социалистов	133
Глава 5. Неумолимая система Карла Маркса	173
Глава 6. Викторианский мир и экономическое подполье	215
Глава 7. Дикарское общество Торстейна Веблена	269
Глава 8. Ересь Джона Мейнарда Кейнса	315
Глава 9. Противоречия Йозефа Шумпетера	367
Глава 10. Конец философии от мира сего?	397
Рекомендации по дальнейшему чтению	411
Указатель имен и произведений	421

Моим учителям

Предисловие к седьмому изданию

Перед вами седьмое издание книги, впервые вышедшей в свет в 1953 году. Получается, что сегодня “Философы от мира сего” гораздо старше, чем был я сам во время работы над текстом. Учитывая совершенно удивительную живучесть этой авантюры, предпринятой еще в годы моего студенчества, я позволю себе кратко изложить историю появления книги на свет, после чего перейду к важным изменениям, сделанным специально для этого новейшего и, надо думать, последнего переиздания.

В начале 1950-х годов я учился в аспирантуре и зарабатывал на жизнь публикациями в различных изданиях, причем при необходимости или удобном случае отходил от экономической тематики. Прочитав один из моих текстов, Джозеф Барнс, тогда бывший старшим редактором в издательстве “Simon & Schuster”, пригласил меня перекусить, а заодно и обсудить возможные темы для книги. Ни одно из моих предложений не было выдающимся. Когда принесли салат, я понял: первый обед с издателем не принесет мне контракта на публикацию книги. Но Барнса было не так-то просто сбить с толку. В ответ на его вопрос о занятиях в Новой школе социальных исследований я начал взахлеб описывать работу замечательного семинара под руководством неподражаемого Адольфа Лоу, о котором читатель узнает в дальнейшем подробнее. Так я нашел свой предмет — это стало ясно нам обоим раньше, чем официанты успе-

ли принести десерт. Сразу по окончании следующего занятия я поспешил поведать профессору Лоу о своем решении: я собирался написать историю развития экономической мысли.

Лоу — типичный представитель породы настоящих немецких ученых — пришел в ужас. “Вы этого сделать не сможете!” — объявил он таким тоном, что сомнений в его правоте не оставалось. Но я-то был абсолютно убежден, что на самом деле очень даже *смогу* — как я уже писал в другом месте, это чувство было удивительным порождением той смеси самоуверенности и самообмана, что является отличительным признаком аспирантов. Находя время между написанием текстов для разных журналов и учебой, я произвел на свет первые три главы и не без опаски показал их профессору Лоу. Надо отдать должное этому великому человеку (он оставался моим самым благожелательным критиком вплоть до самого конца — а умер он в 102 года), — завершив чтение, он сказал: “Вы должны это сделать!” Чем я — с его помощью — и занялся.

Когда книга была уже готова, возникла необходимость как-то ее назвать. Я прекрасно понимал, что слово “экономика” на обложке сразу отпугнет потенциальных покупателей, и отчаянно перебирал альтернативные варианты. Пока я мучился сомнениями, состоялся второй судьбоносный обед, на этот раз с Фредериком Льюисом Алленом. Аллен был главным редактором журнала “Харперз”, с которым я регулярно сотрудничал, и его необыкновенную доброту по отношению ко мне вкупе с желанием помочь я никогда не забуду. Я мимоходом упомянул о своих трудностях и добавил, что думаю, не назвать ли книгу “Философы денег”, хотя и чувствую, что “деньги” — не совсем то, что надо. “Ты хотел сказать, “Философы от мира сего”, — поправил меня Аллен. “За обед плачу я”, — был мой ответ.

Издатели были довольны куда меньше моего и уже после того, как книга, к их вящему изумлению, начала хорошо расходиться, предложили переименовать ее в “Великих экономистов”. К счастью, название осталось прежним. Вероятно, ими двигали сомнения в способности покупателей переварить слова “от мира сего” (действительно, в тысячах студенческих

работ это выражение было так или иначе искажено). А может быть, они предвидели трудности вроде той, о которой я узнал лишь много лет спустя. Зашедший в книжную лавку своего колледжа студент желал найти одну книгу. Имя автора вылетело из головы молодого человека, но, если память ему не изменяет, она называлась “Лобстеры от моря сего”.

Прошли годы, и тираж “Философов от мира сего” превысил самые смелые ожидания. Утверждается, что книга заставила тысячи ни о чем не подозревавших жертв выбрать для изучения курс экономики. Я не готов взять на себя ответственность за все причиненные им страдания, но был чрезвычайно рад слышать от многих экономистов, что именно моя книга впервые возбудила в них интерес к предмету их нынешнего увлечения.

Новое издание отличается от всех предыдущих по двум параметрам. Во-первых, как и раньше, свежий взгляд на собственный текст позволил мне отловить ошибки, неизбежно возникающие на стадии рукописи или ставшие очевидными в результате недавних исследований в данной области. Я также воспользовался шансом изменить расстановку акцентов с тем, чтобы отразить развитие моих взглядов на те или иные вопросы. Сами по себе эти изменения довольно несущественны и скорее всего будут замечены лишь специалистами. Их значение не настолько велико, чтобы потребовать нового издания.

А вот другое изменение очень и очень важно. В течение долгого времени я размышлял над тем, не вредит ли моей книге отсутствие сквозной темы, нельзя ли связать отдельные главы более убедительным образом, опираясь не только на хронологическую последовательность появления замечательных людей и их интересных идей. Наконец, несколько лет назад я утвердился во мнении, что таким связующим звеном должна стать смена концепций, или “видений”, лежавших в основе анализа великими умами прошлого функционирования нашего общества. В середине XX века похожая идея занимала воображение Йозефа Шумпетера, одного из самых изобретательных философов от мира сего. До недавних пор я даже не задумывался о подобном подходе к предмету. Возможно, тот

факт, что сам Шумпетер по той или иной причине не использовал свою находку при исследовании истории экономической мысли, может служить оправданием и мне.

Я не буду пускаться в обсуждение нового взгляда на эволюцию философии от мира сего непосредственно в предисловии — точно так же автор детективов не объявляет имя убийцы на первых страницах книги. По ходу нашего рассказа речь не один раз будет заходить о роли мировоззрения отдельных людей, но только добравшись до последней главы, мы сможем как следует обсудить актуальность такого подхода для нашего времени.

В связи с чем я хотел бы сделать последнее замечание. Уже взглянувший в оглавление читатель мог с недоумением обнаружить, что завершающая глава называется так: “Конец философии от мира сего?” Вопросительный знак указывает на то, что речь не идет о мрачном прогнозе, но также и гарантирует, что изменений в характере предмета нашего изучения не избежать. О возможных вариантах подобных изменений мы поговорим в заключительной части книги, о чем я здесь упоминаю вовсе не для того, чтобы разжечь интерес читателя. Дело в том, что лишь в конце пути, иными словами — сегодня, эти изменения оказывают существенное влияние на предмет и значение экономической мысли как таковой.

Но не будем забегать вперед. Позвольте мне напоследок поблагодарить моих читателей, в особенности студентов и преподавателей, которые изучали книгу настолько вдумчиво, что прислали множество писем с дополнениями и исправлениями, а также с выражением поддержки или несогласия. И то и другое для меня одинаково ценно. Я надеюсь, что “Философы от мира сего” продолжат служить билетом в захватывающий мир экономики для тех, кто впоследствии станет издавать книги или ловить лобстеров, а также для отдельных храбрецов, которые отважатся вступить в ряды экономистов.

*Роберт Л. Хайлбронер
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк
Июль 1998 г.*

Введение

Эта книга посвящена горстке людей, слава которых странного рода. С точки зрения школьных учебников истории, они были никем: не командовали армиями, не посылали людей на смерть, не правили империями и редко участвовали в принятии решений, влиявших на ход истории. Часть из них достигла определенной известности, но никто не стал национальным героем; некоторые подвергались открытым нападкам, но ни один не считался врагом государства. И все же то, чем они занимались, зачастую оказывалось важнее для истории, чем деяния гревшихся в лучах славы государственных деятелей, потрясало мир сильнее, чем переходы огромных армий через границы, приносило больше благ и несчастий, чем королевские указы и законы.

Дело в том, что владеющий умами людей обладает властью большей, чем ее способен дать меч или скипетр: именно поэтому наши герои определяли очертания мира и управляли им. Мало кто из них пошевелил ради этого хоть пальцем; в основном они были учеными и работали тихо и неприметно, вряд ли интересуясь мнением окружающих о себе. Из-за них погибали целые империи и уничтожались континенты; они то обрушивали, то собственными силами поддерживали политические режимы; по их велению класс восставал против класса, народ — против народа; и все происходило не

вследствие коварности их планов, но из-за потрясающей силы их идей.

Кем были эти люди? Мы называем их Великими Экономистами. Но, как это ни странно, о них самих мы знаем очень мало. Казалось бы, в мире, постоянно сотрясаемом экономическими неурядицами, то с волнением, то с интересом обсуждающем экономические вопросы, великие экономисты должны быть известны не менее, чем, скажем, великие философы или государственные деятели. На самом деле они кажутся всего лишь тенями из прошлого, а так волновавшие их темы, некогда вызывавшие бурное обсуждение, сегодня удастаиваются лишь сдержанного благоговения. Говорят, что экономика, вне всяких сомнений, наука важная, но сложная и не слишком увлекательная, так что пусть лучше ею занимаются те, кто чувствует себя как дома в малодоступных сферах мысли.

Подобное мнение ужасно далеко от истины. Человек, думающий, будто изучение экономики — удел профессоров, забывает, что именно она посылала людей на баррикады. Тот, кто заглянул в учебник и решил, что экономика скучна, напоминает человека, прочитавшего введение в логику и заключившего, что война — унылый предмет для изучения.

Нет, экономисты вели исследование, увлекательнее — и опаснее — которого мир вряд ли видел. Идеи, с которыми они имели дело, в отличие от идей великих философов, играли заметную роль в нашей повседневной жизни; казавшиеся им нужными эксперименты не могли быть проведены в тиши лаборатории. Теории великих экономистов потрясли мир — а их ошибки оказывались для него губительными.

Идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем принято думать, — писал лорд Кейнс, сам великий экономист. — В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совер-

шенно не подверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писаки, сочинявшего несколько лет назад. Я уверен, что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей¹.

Что и говорить, не все экономисты были титанами мысли. Тысячи оставили после себя тексты, зачастую бывшие памятниками скуке; многие исследовали мало значимые мелочи с рвением средневековых ученых. И если сегодня экономике недостает блеска, если экономисты уже не ощущают себя участниками увлекательного приключения, то винить можно лишь их самих. По-настоящему выдающиеся экономисты не были учеными педантами. Предметом своего изучения они считали целый мир и пытались уловить самые разные его строения, рисуя его злым, отчаянным, надеющимся. Превращение их еретических мнений в образец здравого смысла вкупе с их же обличением “здрoвoгo смьслa” как набора предрассудков были важнейшими элементами при строительстве интеллектуального здания современной жизни.

Более необычную группу, участники которой меньше походили бы на тех, кому суждено изменить мир, трудно себе представить.

Среди них были философ и сумасшедший, священнослужитель и брокер, революционер и аристократ, эстет, скептик и бродяга. Они принадлежали к разным народам, занимали разные общественные положения, обладали непохожими ха-

1 John Maynard Keynes, *The General Theory of Employment, Interest, and Money* (New York: Harcourt, Brace & World, 1964), p. 383. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, — прим. автора.*) (Здесь и далее русский перевод цитируется по изданию: К е й н с Д ж о н М е й н а р д. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2007.)

рактерами. Некоторые из них были интереснейшими людьми, другие — занудами; одни обладали редким обаянием, а кого-то с трудом можно было выносить. По меньшей мере трое сколотили себе состояние, но еще больше было таких, кто так и не смог овладеть элементарной экономикой собственных расходов. Двое были знаменитыми предпринимателями, один не сумел подняться выше коммивояжера, а другой позволил своему богатству утечь сквозь пальцы.

Взгляды этих людей на окружающий мир различались чуть ли не сильнее, чем общественное положение, — более пеструю группу мыслителей надо еще поискать. Один слыл убежденным защитником прав женщин; другой утверждал, что женщины очевидно неполноценны в сравнении с мужчинами. Один считал, что “джентльмены” были всего лишь варварами, надевшими маски, в то время как другой полагал, что любой, не являющийся джентльменом, — дикарь. Тот, кто был очень богат, настаивал на уничтожении богатых как класса; другой — довольно бедный — осуждал благотворительность. Некоторые из них говорили, что наш мир, несмотря на все его недостатки, — лучший из всех возможных; другие посвятили свою жизнь доказательству обратного.

Все они писали книги, но библиотека из них получилась бы весьма необычная. Один или двое написали бестселлеры, которыми зачитывались даже в отдаленных уголках Азии, а кое-кому приходилось платить, чтобы их малопонятные работы, обращенные к строго ограниченной аудитории, были опубликованы. Несколько человек писали так, что сердца миллионов по всему миру бились быстрее, проза других — не менее значимых для хода истории — лишь затуманивала мозги.

Итак, объединяли их не личные свойства, не схожие карьеры, не предубеждения и даже не идеи. Общим знаменателем было кое-что другое — любопытство. Всех их завораживал окружающий мир, его сложность и мнимая беспорядочность, жестокость, которая в этом мире очень часто скрывается под маской лицемерия, и успех, не менее часто остающийся неза-

меченным. Каждый был глубоко увлечен поведением человека, сначала создававшего материальное богатство, а потом готового за частичку его вцепиться в глотку соседу.

Таким образом, их можно назвать философами от мира сего, ведь каждый стремился построить философскую систему, объясняющую наиболее приземленное из человеческих желаний — погоню за богатством. Наверное, это не самый элегантный род философии, но уж точно гораздо более интригующий и важный, чем все остальные. Кому придет в голову пытаться обнаружить Порядок и План в бедняцком быте или в поведении спекулянта, затаившего дыхание в предчувствии краха, или искать Последовательные Законы и Принципы в марширующей по улице толпе и в улыбке, которой зеленщик одаряет своих покупателей? Но все же великие философы искренне верили, что эти на первый взгляд не имеющие ничего общего лоскутки можно сшить в целое одеяло, что на достаточном расстоянии своевольное бурление мира похоже на последовательное продвижение вперед, а суматоха и суета — на гармонию.

Да уж, кажется, что речь идет о слепой вере — и только! И, несмотря на это, их взгляды оказались во многом оправданы историей. Стоило экономистам раскрыть перед современниками свои модели, как бедняк и спекулянт, зеленщик и толпа перестали быть бессвязно играющими актерами, случайно вытолкнутыми на сцену вместе; каждый исполнял роль, более или менее положительную, но абсолютно необходимую для развития спектакля, охватывающего все человечество. То, что раньше выглядело всего лишь будничным или хаотичным миром, на поверку оказалось упорядоченным обществом с вполне осмысленной историей.

Поиск именно такого порядка и такой осмысленности лежит в сердце экономической науки. Отсюда и главная тема моей книги. Мы не станем читать цикл лекций о принципах науки, а отправимся в путешествие по влиявшим на нашу историю идеям. На пути нам встретятся не только педагоги,

но и многочисленные бедняки, спекулянты, ликующие и разоренные, разноликие толпы, и даже — хотя бы мельком — те самые зеленщики. Мы вернемся назад, чтобы обнаружить корни нашего общества в беспорядочном сплетении общественных структур, в котором великие экономисты пытались обнаружить закономерность и гармонию. Одновременно мы познакомимся и с самими великими экономистами; дело не только в том, что зачастую мы будем иметь дело с яркими фигурами, — просто на очень многих идеях хорошо заметен глубокий отпечаток личности их авторов.

Было бы весьма удобно начать с первого из великих — Адама Смита. Но Адам Смит жил во времена американской революции, и нам придется поломать голову над озадачивающим фактом: история человечества писалась на протяжении шести тысячелетий, но нет ни одного *философа от мира сего*, который творил бы в то время. Действительно странно: человечество начало сталкиваться с экономическими проблемами задолго до эпохи фараонов, и на сцену успело выйти бесчисленное количество философов, множество ученых, политических мыслителей, историков и художников, тысячи государственных деятелей. Почему же мы не знаем ни одного экономиста?

Нам понадобится целая глава, чтобы ответить на этот вопрос. Пока мы не исследуем природу мира, существовавшего раньше и гораздо дольше нашего, — мира, в котором само наличие экономистов было бы не только необязательно, но и невозможно, — мы не сможем подготовить почву для появления великих экономистов. Главным образом мы будем говорить о людях, живших в течение последних трех столетий. Прежде чем начать разговор, необходимо понять мир, который предшествовал их приходу, и увидеть, как, несмотря на все потрясения и взрывы, свойственные крупным революциям, старый мир дал рождение новой эпохе — эпохе экономистов.